

В. Э. МОЛОДЯКОВ

ШАРЛЬ МОРРАС И

«ACTION

FRANÇAISE»

ПРОТИВ

ГЕРМАНИИ: ОТ

КАЙЗЕРА ДО

ГИТЛЕРА

Василий Молодяков

**Шарль Моррас и «Action
française» против Германии:
от кайзера до Гитлера**

«Русский фонд содействия образованию и науке»

2020

УДК 94(44)
ББК 63.3(4Фра)

Молодяков В. Э.

Шарль Моррас и «Action française» против Германии: от кайзера до Гитлера / В. Э. Молодяков — «Русский фонд содействия образованию и науке», 2020

ISBN 978-5-91244-257-5

Монография является первым в мировой историографии комплексным исследованием политической и пропагандистской деятельности монархического движения «Action française» — передового отряда французского национализма первой половины XX века, — направленной против Германии как «наследственного врага» Франции. Автор рассматривает идеи и действия непримиримых германофобов в контексте внутренней и внешней политики Франции и ее отношений с Германией в период от «дела Дрейфуса», когда происходит концентрация сил французского национализма, до прихода Гитлера к власти, радикально изменившего ситуацию в Европе. Исследование основано на широком круге источников, практически неизвестных в России.

УДК 94(44)
ББК 63.3(4Фра)

ISBN 978-5-91244-257-5

© Молодяков В. Э., 2020
© Русский фонд содействия
образованию и науке, 2020

Содержание

Предисловие	7
Глава первая	9
I	9
II	16
III	18
IV	24
V	27
VI	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Василий Элинархович Молодяков Шарль Моррас и «Action française» против Германии: от кайзера до Гитлера

*Наша судьба – иметь Германию в качестве ненавистного соседа.
Жак Бенвиль*

© В. Молодяков, текст, 2020

© А. Васильева, переплет, макет, 2020

© Оформление, Русский фонд содействия образованию и науке, 2020

Предисловие

В политической и интеллектуальной истории Франции XX в. монархическое движение «Action française» («Французское действие»; название обычно не переводится) и его вождь Шарль Моррас (1868–1952) сыграли исключительно важную роль, не осознанную до конца в силу того, какое кипение страстей они вызывали и продолжают вызывать.

Огромный урон репутации «Action française» и лично Морраса причинил вердикт французского суда, который в январе 1945 г. признал его виновным в сотрудничестве с нацистскими оккупантами и в подрыве морального духа нации. За этим стояли усилия коммунистов и голлистов, стремившихся не только расправиться с духовным вождем своих противников-националистов, но и максимально опорочить его. Ибо каждый француз, читавший газеты, знал, что за последние полвека в стране не было более убежденного и неистового германофоба, чем Моррас. Он и его соратники Леон Доде, Жак Бенвиль, Морис Пюжо, Анри Массис отрицали возможность не только сотрудничества с Германией, но примирения и диалога с ней. Для них она всегда оставалась «наследственным врагом» Франции, а борьба с германизмом – осью не только внешнеполитической, но и внутривнутриполитической деятельности. Таким образом, мы имеем дело с историко-политической проблемой большой важности, совершенно не изученной в России.

Читатель вправе предположить, что во Франции эта проблема исследована вдоль и поперек, поэтому наиболее подходящим вариантом было бы издание лучшей из тамошних работ в русском переводе. Увы, такой работы не существует. Слова «Моррас» и «Германия» не фигурируют в заглавии ни одной книги. Слова «Моррас» и «германизм» – лишь в заглавии весьма поверхностного эссе Филиппа Мэжа¹, где непосредственно проблематике настоящего исследования уделено около 30 из 130 страниц основного текста, причем в основном в философском ключе (на наш взгляд, Меж преувеличивает влияние германской философии на юного Морраса). Прочитав эту книгу, я не нашел, чем мог бы воспользоваться, однако солидарен с намерением автора «восстановить историческую справедливость» (как сказано в дарственной надписи на экземпляре в моем собрании), которому сам постарался следовать.

Идеи и деятельность «Action française» в сфере внешней политики изучены не просто недостаточно, но скудно. За исключением глав в редких обобщающих работах (лучшая из которых принадлежит перу американского историка Юджина Вебера), можно назвать лишь сборник статей по материалам конференции «Между старой Европой и единственной Францией: Шарль Моррас, внешняя политика и национальная оборона», причем в большей их части рассматривается восприятие идей Морраса за границей, а не его внешнеполитические воззрения². Не обнаружив и там новых материалов по избранной теме, автор настоящей работы построил ее прежде всего на текстах самого Морраса. Ввиду обилия цитат для удобства чтения я использовал систему сокращенных указаний на источники в основном тексте. Список сокращений в конце книги, таким образом, является библиографией к ней; остальные цитированные издания указаны в сносках.

Необходимо сделать еще два замечания историографического характера. Первое: колоссальный объем литературно-публицистического наследия Морраса, Доде и Бенвиля, даже с учетом его доступности, вынудил автора ограничиться текстами, которые они сами собрали в книги. Второе: многочисленная литература о них почти вся является либо агиографической, либо разоблачительной; первая более информативна, но обе неизмеримо уступают первоис-

---

¹ Philippe Mège. Charles Maurras et le germanisme. Paris, 2003.

² Entre la vieille Europe et la seule France: Charles Maurras, la politique extérieure et la défense nationale. Georges-Henri Soutou, Martin Motte (dir.). Paris, 2009.

точникам. Не имея целью охватить всё написанное Моррасом и его соратниками о Германии и тем более отклики на это третьих лиц, автор сосредоточился на фактах и проблемах, которые посчитал принципиально важными, даже если отдельные страницы могут показаться экскурсами, уводящими в сторону от главной темы.

В настоящей монографии рассмотрена позиция Шарля Морраса и его соратников в отношении Германии в период от «дела Дрейфуса», одним из непосредственных результатов которого стало появление движения «Action française», до прихода Гитлера к власти, что радикально изменило ситуацию в Европе. Следующему периоду автор планирует посвятить отдельное исследование.

Фрагменты книги публиковались в интернет-журналах «Гефтер» и «Русская Idea» и в журнале «Вопросы национализма», редакциям которых автор выражает признательность. Для настоящего издания все ранее опубликованные тексты исправлены и дополнены. Ответственность за возможные упущения и ошибки лежит исключительно на авторе.

Глава первая

Рождение «действия» из «дела Дрейфуса»: Шарль Моррас и создание «Action française»

Будущее создается меньшинством, полным энергии сердца и разума.

Шарль Моррас

I

Председатель трибунала Роны Анри Вейнке 27 января 1945 г. в Лионе огласил приговор – пожизненное заключение и поражение в правах – 76-летнему Шарлю Моррасу. Главный идеолог французского национализма был признан виновным в сотрудничестве с оккупантами и в подрыве национальной обороны и морального духа. «Это месть за Дрейфуса!» – крикнул старик со скамьи подсудимых. Так записано в стенограмме процесса³.

«Дело Дрейфуса» – история осуждения в середине 1890-х гг. и последующего оправдания Альфреда Дрейфуса, эльзасского еврея и капитана французского Генерального штаба, обвиненного в шпионаже в пользу Германской империи, – относится к числу исторических событий, казалось бы, трактуемых однозначно. Офицеры-юдофобы оклеветали товарища по службе то ли из зависти, то ли из желания скрыть собственные грехи. Генералы-юдофобы осудили невинного человека под улюлюканье бульварной прессы. Однако честные люди Франции, движимые благородными побуждениями, встали на защиту Дрейфуса и добились его оправдания. Их поддержали честные люди в других странах. Слово «дрейфусар» – так называли защитников офицера – стало синонимом сознательного и прогрессивного гражданина и просто порядочного человека.

Антидрейфусарам тоже было все ясно. Почти через полвека после ареста капитана и через восемь лет после его смерти Моррас в книге «Стихийная контрреволюция» (1943) гневно вспоминал «дерзкое нападение на Армию, Правосудие, Порядок, Государство, Родину, Цивилизацию и Разум, на все условия человеческой жизни – ради обеления офицера, справедливо осужденного законной властью» (CRS, 49).

Осуждение невинного – тем более офицера на действительной службе по обвинению в государственной измене – прискорбный, но далеко не единичный факт. Почему именно «дело Дрейфуса» сыграло такую роль в истории Франции конца XIX и первой половины XX веков? Почему его последствия оказались настолько разнообразными, а эхо настолько долгим?

Впрочем, нас интересует не Дрейфус, а Моррас.

Детские годы формируют характер человека и порой определяют его судьбу (не во фрейдовском смысле!). «Надо опубликовать ваши воспоминания о детстве, – говорил восьмидесятилетний Моррас своему младшему другу Ксавье Валла, товарищу по заключению в тюрьме Клерво. – Они станут моральным предварением ваших политических воспоминаний. Читателю надо знать человека и среду, из которой он вышел, чтобы лучше понять его действия» (XVM, 31).

Сказанное в полной мере относится к самому Моррасу. Море. Солнце. Прованс. Родительский дом. Чувство родины. Эллинизм. История. Французские короли. Глухота.

---

³ Charles Maurras et Maurice Pujo devant la Cour de Justice du Rhône. N. p., 1945. P. 431.

Шарль Моррас родился 20 апреля 1868 г. в провансальском городе Мартиг на берегу Средиземного моря. Младший друг Рене Бенджамен озаглавил книгу о нем «Сын моря». Это напомнило герою – по материнской линии внуку моряка – о детстве среди матросов и рыбаков, но по отцовской линии он был «сыном земли», родящей оливы и виноград, апельсины и лавр. «Когда у нас не сияет солнце, мне стыдно», – сказал он, принимая в родительском доме писателя Жоржа Кесселя⁴. И с юмором вспоминал первые впечатления от Парижа, куда попал в ноябре: «Около полудня я увидел в небе нечто круглое, похожее на подгнивший апельсин, и спросил себя: “Это что, солнце?”» (XVM, 72).

«Райская дорога» – дом семьи Морраса в Мартиге. Рисунок на обложке книги Леона Доде «Шарль Моррас и его время». 1930

Родительский дом под названием «Райская дорога» – старинный, каменный, трехэтажный, с садом вокруг – прославлен на весь мир, где читают по-французски. Сейчас там живут потомки писателя (правда, не прямые), хранящие часть архива и библиотеку; созданный ими частный музей – едва ли не главная достопримечательность Мартига. Моррас проводил здесь один или два месяца каждый год – кроме последних, когда оказался в неволе. Он горячо любил

---

⁴ Georges Suarez. *Peu d'hommes, trop d'idées. Un entretien avec Charles Maurras par J. Kessel*. Paris, 1928. P. 32.

и остро чувствовал малую родину – именно Мартиг, а не Прованс вообще – хотя сказал Кесселю: «В Мартиге я чужак. Я местный только по женской линии. Три поколения мужчин в нашей семье приехали сюда из Авиньона, Ла-Сьота, Роквера. Это недалеко, но все равно здесь я чужак»⁵.

Отец запрещал говорить дома по-провансальски – «деревенский» язык. Сын не только говорил и писал на нем, но стал деятелем литературного движения фелибров и учеником его вождя Фредерика Мистралья, одного из первых лауреатов Нобелевской премии по литературе. Два языка сделали Морраса богаче – и французом, и провансальцем. Причем в обоих качествах он был ярым патриотом.

Мартиг расположен на месте едва ли не древнейшей греческой колонии на территории Франции, поэтому Шарля с детства окружала не просто история, но античность. Прочитав в возрасте восьми лет «Одиссею», он навсегда влюбился в ее мир: сравнение с Одиссеем было вернейшим способом польстить взрослому Моррасу. Через семьдесят пять лет он перечитывал в тюремной камере именно этот перевод. Набожная мать сразу дала сыну Библию с иллюстрациями, но не смогла перебить впечатление от Гомера.

С новой силой чувства вспыхнули при личной встрече, на которую Моррас, по словам одного из знакомых, отправился, как на любовное свидание. В 1896 г. он поехал корреспондентом на первые Олимпийские игры в Афины – ради того, чтобы увидеть всё своими глазами, – и восторженно описал увиденное и пережитое в книге «Анфиней (Город цветов). Из Афин во Флоренцию» (1901). Любовь дополнилась убеждением: «Древняя Греция принесла миру умственный порядок, меру разума и все научные дисциплины. Древний Рим навсегда установил принципы административного и политического порядка» (QFA, 124).

Любимый учитель и близкий друг Морраса аббат Жан-Батист Пенон, будущий епископ, с сожалением отметил в «Анфинее» «чрезмерно языческое чувство, непонимание высших начал, которые христианская цивилизация принесла миру, сохранив лучшее из античности» (СМР, 465). Отстаивая право на собственное мнение вплоть до заблуждения и презирая любое лицемерие, Моррас, вопреки советам друзей, не исправил в «Анфинее» ни строки, даже когда Ватикан включил ее в «Индекс запрещенных книг» (VCM, 266–267).

Поездка в Грецию укрепила в Моррасе, получившем образование в частных католических школах, не только любовь к античности, но агностицизм и недоверие к христианству. «Я рожден для сомнения и отрицания», – признался он Пенону еще в возрасте 21 года (СМР, 303). В их обширной и откровенной переписке, начавшейся, когда Шарлю было 15 лет, и продолжавшейся почти 45 лет до смерти Пенона, проблема веры возникала нечасто, но значимо.

Юноша хотел прийти к вере через волю и разум. «Я восхищаюсь (трудами отцов церкви. – В. М.), но не верю, – признался он наставнику незадолго до своего восемнадцатилетия, – и если ищу истину, то для того чтобы в нее поверить. <...> В какой-то момент я полагал, что святой Фома (Аквинский. – В. М.) полностью удовлетворит меня; я прочитал несколько учебников схоластической философии, но ни один из них не разрешил все проблемы, да и кто их разрешит? А кто может жить, не разрешив их? Во всяком случае не я. <...> Чем больше я размышляю об этом, тем яснее понимаю, что вера должна пройти через мой мозг, чтобы достичь сердца». Но это не атеизм: «Жизнь без того, что выше, без бессмертия ужасно безобразна, несправедлива и аморальна» (СМР, 103).

Пенон видел в Моррасе не только блестящего ученика, которым гордился, но младшего друга, поэтому тревожился из-за его настроений. «Ваше восхищение, столь подлинное и почувствованное, – мягко заметил священник, – не слишком ли сосредоточено на стиле, на том, что есть человеческого в этих шедеврах? <...> В Иисусе Христе надо видеть не возвышенное воспоминание, но нечто живое, надо попытаться принять его как друга. Для этого есть очень

⁵ Georges Suarez. *Peu d'hommes, trop d'idées. Un entretien avec Charles Maurras par J. Kessel*. Paris, 1928. P. 42.

простое средство: читать Евангелие без комментариев, особенно от Луки и от Иоанна» (СМР, 100). «Смирите волей гордость вашего разума, – писал аббат упорствующему ученику три года спустя, – начните с искреннего желания веры, с молитвы. Вера – не просто вывод из силлогизма, это сверхъестественное божественное озарение в душе. Это благодать, которой надо желать и о которой надо молить. <...> Вы знаете, где лежит путь в Дамаск. Почему же вы совершенно отказываетесь идти по нему?» (СМР, 271).

«Я вернулся из Афин, – откровенно писал Моррас Пенону 28 июня 1896 г., – еще более далеким от христианства и враждебно настроенным к нему, чем был раньше. <...> Я вернулся из Афин законченным политеистом. То, что смутно брезжило в моем мозгу, внезапно прояснилось. Я отвергаю идею бесконечности, семитскую, еврейскую, противоречивую идею, пришедшую из Азии, от варваров. <...> Поскольку я рассказываю вам всё, то должен сказать и об этом» (СМР, 413). «Не требуйте от меня, чтобы я принял всерьез ваш политеизм», – ответил аббат «дорогому ужасному язычнику», «обратившемуся в веру Юпитера и Афины Паллады» (СМР, 414). Адресат продолжал настаивать, что «языческая душа согрета великим чувством естественной жизни и естественной мысли» (СМР, 419). «В самой античности, в наиболее прекрасном в ней, есть латентное христианство, его семья», – пытался парировать Пенон (СМР, 421).

Отношение Морраса к католической церкви, отличавшееся от отношения к ее вере, озадачивало многих. «Отсутствие личной веры не мешает мне видеть в католицизме великое благо, которое я люблю», – писал он в конце жизни (PJF, 81). Констатируя «неверие» Морраса, Анри Массис, друг, последователь и правоверный католик, удовлетворенно процитировал его слова: «Кто удаляется от твердой философии католицизма, тот удаляется от любой прочной гармонии справедливости и пользы, интересов и прав, духа и действия» (НМЖ, 230). И добавил: «Свою личную неудачу в философских исканиях (Бога. – В. М.) Моррас не выдает за результат принципиальной неспособности человеческого духа. Он говорит: “Я не вижу”, а не: “Человеческий дух не способен видеть”» (НМЖ, 216). Другой правоверный католик, Ксавье Валла, писал: «Назовите хоть одного верующего, потерявшего веру после чтения Морраса, в то время как примеры обратного широко известны» (GSC, 128).

«Воззрения, интересы, увещевания и постановления католицизма соответствуют главным интересам французской родины и цивилизованного мира. <...> В политике и социологии любое расхождение с католицизмом есть не прогресс, но шаг назад» (МРР, 132–133). «Надо служить французской церкви по религиозному долгу, если ты верующий, и по патриотическому долгу, если неверующий» (МРР, 210). «Важные причины (чувство, традиция, совокупность главнейших национальных интересов) побуждают нас не только уважать католицизм, но возвышать и почитать его как самую древнюю и самую органичную из национальных сущностей» (МРР, 15). Сочинения Морраса разных лет пестрят подобными утверждениями императивного характера, так что число цитат легко умножить.

«Моррас приемлет Церковь и не приемлет Евангелие. Он жаждет папу, а не Христа», – недоумевал Морис Баррес (МСВ, 693). «Какой трактат можно написать, – делился с ним Моррас в феврале 1898 г., – об интеллектуальном упадке как следствии христианского духа, который: 1) ниспроверг Римскую империю; 2) разложил в XVI веке католическую цивилизацию чтением Библии на языке простонародья; 3) возбудил Руссо, вызвал Революцию, возвел мораль в сан сверхнауки и сверхполитики; 4) дал нам теологию индивидуума, теорию чистой анархии» (ВМС, 174).

Еще раньше Моррас сделал вывод, который огорчил его учителя Пенона: «Только католицизм, полностью свободный от иудео-протестантского деизма, может дисциплинировать дух» (СМР, 399–400). Этой позиции он – оглядываясь на себя? – придерживался и позднее, считая язычников, позитивистов и агностиков потенциальными союзниками католиков, но атеистов, деистов, иудеев и протестантов – их непримиримыми врагами (МРР, 4–5).

«Христианская доктрина, взятая абсолютно, ему явно враждебна, – писал в 1925 г. о Моррасе Николай Бахтин, – но он до конца утверждает церковь как самую могучую и живую из исторически наличных дисциплин»⁶. Как основу западной цивилизации, хранительницу ее традиций, воплощение власти, иерархии и порядка, которых не хватало в современной жизни. По мнению Николая Бердяева, Моррас «почти дословно повторяет аргументацию Великого инквизитора»: он «считает Евангелие книгой разрушительной и анархической, но восхваляет католическую церковь за то, что она сумела превратить эту разрушительную и анархическую книгу в силу, организующую порядок, т. е. “исправила” дело Христа»⁷. Утверждение не голо-словное – в 1906 г. Моррас прямо указал на опасность «непосредственного чтения» библейских текстов: «Их читают дословно. Это слово еврейское и, если Рим его не объяснит, действует по-еврейски» (MPR, 392).

При этом Моррас особо почитал Богоматерь, которой в 1914 г. посвятил проникновенные строфы в «Оде на битву на Марне», своем самом известном стихотворении. «Это чудо, подобное чуду жонглера Богоматери, – через много лет сказал ему Валла. – Вы не попадете в ад, потому что так хорошо воспели Ее». «Я вообще надеюсь, что не попаду в ад, – ответил Моррас. – Я всегда любил Богоматерь. Это моя маленькая личная вера» (GSC, 131).

«Мы от всего сердца молим Господа о том, – писал Моррасу в 1913 г. молодой католик Эрнест Псикари, – чтобы Он даровал вам свет веры, потому что вы больше, чем кто-либо, заслуживаете блаженного мира, который только она может дать, и потому что вы остаетесь несравненным защитником этой веры. <...> Разве пример неверующего, признающего превосходство Церкви, не есть самая великолепная хвала, какую ей можно воздать?» (HAF, 50–52). Об обращении любимого ученика долгие годы исправно молился аббат, затем епископ Пенон. «Язычество» Морраса стало козырной картой в политической кампании, которую с 1900-х гг. вели против него либеральные католические круги. Но в самом конце жизни он вернулся к вере предков и умер христианином.

Гораздо большее впечатление, чем Библия, на юного Шарля произвела другая книга. «В шесть или семь лет я был взволнован и потрясен краткой “Историей Франции” в вопросах и ответах, самой сухой и скучной, какую можно вообразить, но в ней говорилось о великих делах и великих людях. Огорчало меня только то, что все они умерли. Карл Великий был моим героем до того дня, пока я не понял, что фраза “Скончался в Аахене” означала, что и он не избежал общей участи. Мое внимание привлек кто-то из забытых Каролингов, чью дату смерти авторы забыли указать. Долгое время он казался мне настоящим победителем Истории» (MNT, II). В зрелые годы Моррас часто рассказывал эту историю, возводя к ней свой монархизм.

На четырнадцатом году юноша начал терять слух, что похоронило мечту стать моряком – как дед. Полностью Моррас оглох только под старость в тюрьме, а ранее мог поддерживать беседу лицом к лицу, если собеседник говорил громко и четко, а также слушать музыку на пластинках, наклонив лицо к граммофону. Рано осознав важность публичных выступлений, он долго не отваживался на них, пока в 1904 г. не переборол себя – и с тех пор на протяжении сорока лет с успехом выступал перед самой разной аудиторией. Моррас больше писал и читал – отсюда эрудиция, поражавшая и друзей, и врагов, – чем говорил и слушал. Глухота наложила отпечаток на его личность и работу, но не сделала ни затворником, ни мизантропом. Трудоголик и аскет в повседневной жизни, он культивировал в себе физическую выносливость и до конца жизни был в хорошей форме, чем гордился.

«Во многом Вы достигли полной зрелости к восемнадцати, если не к шестнадцати годам», – писал Моррасу аббат Пенон (CMP, 391). Получив в 1884 и 1885 гг. бакалаврские степени по литературе и философии, Шарль с матерью и братом Жозефом переехал в Париж.

⁶ Бахтин Н. Три реформатора // Звено. 1925. № 1317. 3 августа. С. 2–3.

⁷ Бердяев Н. Парадокс лжи // Современные записки. 1939. № 69. С. 275.

«Между восемнадцатью и двадцатью годами человек уже полностью таков, каков он есть, – утверждал, вспоминая собственную юность, политик Марсель Деа. – Перипетии его дальнейшего существования не предугадать, но понятно, как он будет на них реагировать. Впрочем, ставшим “тем, кто они есть” требуются многие годы, дабы хорошенько понять, кем они хотели стать». «Общество, формирующее юных интеллектуалов, – добавил Деа, – дает им драгоценную школу жизни, даже если сама их жизнь, посвященная учебным занятиям, пока еще не стала настоящей» (DMP, 21).

«Философия была самой сильной умственной страстью моей юности» (MNT, 3–4), – повторял Моррас. Университетским занятиям он предпочел самостоятельную работу. С начала 1886 г. он регулярно помещал рецензии и обзоры на литературные, философские и исторические темы в столичных и провинциальных католических изданиях, вскоре получив признание как эрудит и стилист. Несмотря на увлечение Бодлером и Верленом, уже в ранних его сочинениях видны классицистские, латиноцентричные и антиромантические пристрастия – вопреки духу времени, когда, по его словам, «литературная анархия металась, как вакханка, между последними учениками Гюго и последними подражателями Золя» (MMB, 47), а молодежь «по большей части ибсенировала и толстовствовала» (XVM, 189).

Шарль Моррас. 1895. Рисунок А. д'Абади (Charles Maurras. 1868–1952. Paris, 1953)

Впрочем, и он прошел через период юношеского нигилизма, о котором вспоминал сорок с лишним лет спустя: «Молодые люди XX века с трудом могут представить состояние бунта и

всеобщего отрицания, в котором мы пребывали. Одним словом, речь шла о том, чтобы говорить всему “нет”. Оспаривать все утверждения (включая математические) и противопоставлять им полет фантазии, порожденные ленью и невежеством. Понятия “скептицизм” недостаточно, чтобы точно определить эту помесь воинствующего безразличия с маниакальным стремлением всё подвергнуть проверке. Оценка людей, вещей и идей определялась словами “а зачем это?”. Это было небытие, ничто, но прочувствованное»⁸.

Осознав это, Моррас быстро извлек для себя урок – на всю жизнь.

---

⁸ Цит. по: *M. de Roux*. Charles Maurras et le nationalisme de l'Action française. Paris, 1928. P. 97–98.

II

«Я ушел в политику, как уходят в религию», – любил повторять Моррас (GSC, 124). Первым его соприкосновением с миром политики можно считать участие 2 декабря 1887 г. в массовой (200 тысяч человек) демонстрации на площади Согласия под лозунгом «Долой воров!» – против обвиненного в коррупции президента Жюля Греви. Буланжизм (подробнее в главе третьей) как движение оттолкнул Морраса популистской демагогией, но эмоционально привлек активизмом и надеждой на национальное возрождение. «Впервые участвуя в выборах (в 1889 г. – В. М.), я проголосовал за еврея [Альфреда] Наке (кандидата буланжистов. – В. М.), хотя в душе был антисемитом» (ASF, 17), – вспоминал он сорок лет спустя, объяснив это следованием «партийной дисциплине».

Переход от «чистой литературы» к «искусству действия», который «приблизил меня к живой жизни, к существам из плоти и крови», Моррас позже назвал «главным моментом своей жизни» (ММІ, 47–48). Многих это удивляло. Жан Мадиран, один из последних непосредственных учеников Морраса, писал: «Такой выдающийся писатель! Такой поэт! Другие поэты и прозаики первого ряда тоже занимались политикой, но изредка и по случаю, и в их библиографии по количеству и по качеству преобладали литературные произведения. Большинство выдающихся мыслителей касалось политики, но не посвящало ей всю жизнь и лучшие труды. Моррас является исключением, посвятив всего себя политике». И неожиданное – но лишь на первый взгляд – сравнение: «В истории мысли политика Морраса имеет самого выдающегося и благородного предшественника – она насквозь платонична. Задолго до Морраса Платон делал всё ради политики. Задолго до Морраса Платон, создатель философии и князь поэтов, жертвовал ради нее даже поэзией. Для Платона, как и для Морраса, искусство, мысль, поэзия – всё существовало только как проявление политической воли» (JMM, 54–55; написано в 1958 г.).

Моррас рано осознал себя противником Третьей республики – не просто конкретного режима, но государственного строя, в котором «интересы, чувства и воля партий преобладают над интересом большинства французского народа, над национальным интересом» (МЕМ, xx), – однако не сразу стал монархистом. «Я чувствую, что *традиционная* монархия мертва», – писал он Пенону в июне 1892 г., когда уже сотрудничал в монархической прессе, добавив: «... но мы как никогда близки к якобинско-социалистической диктатуре. <...> Республиканская идея умирает, но орлеанистская идея мертва» (СМР, 362–363).

Первой политической страстью молодого литератора стала идея децентрализации и возрождения исторических провинций. В Париже юноша, вспомнив свои корни, всерьез занялся провансальским языком и примкнул к общественно-литературному регионалистскому движению фелибров, с вождем которых – знаменитым поэтом Фредериком Мистралем – познакомился в августе 1888 г. Фелибры присудили Моррасу премию за речь о поэте Теодоре Обанеле; ее отдельное издание в 1889 г. стало первой из его многочисленных книг.

Кампания за децентрализацию приобщила Морраса к текущей политике. Говорят, что настоящая Политика начинается с определения Врага. Для Морраса это «наши евреи, наши протестанты, наши метеки и наши франкмасоны» (КЕТ, 46). Что это значит конкретно? «Евреи чужды французской расе по определению. Протестанты, хоть и французского происхождения, век за веком отдалялись от национальной цивилизации, проникаясь англо-германскими влияниями. <...> Между евреями и протестантами находятся их прислужники масоны. Наконец идут “метеки” – зачастую евреи, масоны и протестанты, зачастую лично не принадлежащие к ним, но связанные с ними фактом незнания, непонимания или неприятия совокупности чувств и интересов нашей страны» (МРР, 81).

Кто такие «метеки»? В одноименной статье, опубликованной 28 декабря 1894 г., Моррас первым во Франции ввел в актуальный обиход этот термин из лексикона Древних Афин, обо-

значив им «иностранцев, терпимых и даже охраняемых законом», но находящихся под надзором властей и не имеющих прав гражданина полиса⁹. «Гостеприимное, вежливое, сердечное, даже ласковое слово “метеки”, – пытался объяснить он, – означает “те, кто живут в нашем доме, но не являются членами семьи”»¹⁰. Именно его Моррас применил к самому себе, сказав, что в Мартиге он – «чужак». «Мои предки были метеками, но хорошими метеками, полезными», – заметил он с юмором в письме к Барресу (ВМС, 429).

Академия включила слово «метек» в словарь французского языка только в 1927 г., когда оно уже прижилось – не без влияния Морраса – для недоброжелательного обозначения иностранцев как «чужаков». «Определение смысла слова – дело не его творца, но тех, кому свыше вверено попечение о языке, прежде всего Французской академии, – заметил немецкий франкофил Фридрих Зибург как будто именно про данный случай. – Новым словам приходится долго томиться в прихожей, прежде чем их допустят в святилище словаря. По большей части это не столько новые слова, сколько иностранные, заимствованные и переделанные на французский лад» (SDF, 195).

В определении Врага Моррас исходил из понимания Франции как органического и исторического целого, не придавая исключительного значения ни государству (он критиковал итальянский фашизм именно за культ государства), ни национальности, ни религии, хотя его идеальный гражданин был законопослушным французом по крови и католиком по вере. Определение Врага должно было предостеречь и объединить «своих» против «чужих».

Разобщенность французов, у которых одинаковые национальные интересы, но разные политические и религиозные воззрения, Моррас считал главным бедствием современности и был непримирим к тем, кто ее провоцирует. «Революция ослабила или уничтожила социальные связи французов: она свела наш народ до атомистического состояния, когда каждый индивидуум живет изолированно от других» (MPR, 81). «Романтизм и революция, социализм и еврейство, объединившись в согласии, играют против нас у нас дома», – подытожил он (ММТ, II, 199).

Другое противопоставление, регулярно возникающее в сочинениях Морраса, – «римляне» (латиняне) и «варвары» (программный текст 1906 г. под этим заглавием (MPR, 381–402)). «Если наша страна называется Франция, наша цивилизация – латинство» (MPR, 269). «У латинских народов существует своя политическая традиция, подобно традиции литературной и философской, – провозгласил он в 1902 г. – Анархия и революция не присущи ни Франции, ни Испании, ни Италии, ни тем более Греции» (QFA, 109). Исходя из политических реалий эпохи, мягко говоря, спорное утверждение. Поэтому автор пояснил: «В революции латинянин, будь он итальянец, француз или испанец, теряет смысл своего существования и свое место в мире» (QFA, 126).

Варварами Моррас считал немцев, кроме тех, что «имели счастье романизоваться» (ВМС, 124), скандинавов, англичан (их язык он полагал ненужным для французам и предлагал заменить в системе образования на итальянский или испанский) и русских (апофеоз отрицательных идей он видел в «Воскресении» Толстого). «Есть великая морская сила – англосаксонская и протестантская, то есть дважды варварская. Есть великая военная сила – немецкая и протестантская, то есть дважды варварская. Есть великая финансовая сила – космополитическая и еврейская, то есть варварская и анархическая» (MPR, 286–287).

⁹ Charles Maurras. Sur la cendre de nos foyers. Paris, [1931]. P. 51–55.

¹⁰ Ibid. P. 56.

III

Главного внешнего врага Моррас видел в Германии – «очевидном противнике, который угрожает нам и не может не напасть» (МЕМ, ххvi). На суде в январе 1945 г. он утверждал, что ненавидел немцев с двух лет – когда до Мартига донеслась весть о войне с Пруссией. «Мои постоянные читатели знают, – пояснил он, – что воспоминания моего раннего детства заходят очень далеко. <...> Я помню, как отец приносил из мэрии дурные вести, как они с матерью, со слезами на глазах, следили по карте за ходом вторжения. <...> Эти воспоминания преследовали меня и были единственной печалью моего детства. <...> Моя юность прошла под влиянием вражды французов и немцев»¹¹.

Задним числом Моррас преувеличивал давность своей германофобии, но в ее стойкости и принципиальности не приходится сомневаться. В лирическом и исповедальном предисловии к собранию стихов «Внутренняя музыка» (1925) он утверждал, что «германский идеализм и индивидуализм – наши подлинные враги, враги человека и мира, наследственные противники французского духа, католического и латинского сознания как воплощения всего благородного и возвышенного, что дал древний гений нашего Запада; одним словом – палачи порядка и мира» (ММІ, 62). Открывая в 1937 г. «изборник» публицистики о германской угрозе «Перед вечной Германией. Галлы, германцы, латиняне. Хроника сопротивления», он в очередной раз напомнил о «странном и опасном животном, которого Лютер и Кант, Фихте и Трейчке отвратили от рода человеческого» (DAE, viii – ix).

Со второй книгой связан занятный случай, о котором Моррасу в декабре 1948 г. поведал сидевший в соседней камере Валла, земляк-провансалец, бывший правый депутат и деятель режима Виши. «Друг сообщил мне историю со слов своего друга, офицера, взятого в 1940 г. в плен. Перед отправкой в Германию нацистский офицер проверял его вещи. Там были две книги: “Три мушкетера” и “Вечная Германия” (так. – В. М.). “О нет! – сказал немец, – никаких “Трех мушкетеров”, месье. Сожалею, но всё военное запрещено. А вот “Вечная Германия” – какое прекрасное название! Берегите, месье, берегите!” Когда я пересказал это Моррасу, он просто зашелся от удовольствия» (MNE, 171).

Глаза на опасность «германизма» Моррасу, по его собственным словам, открыли два события. Первое – торжественная и вроде бы дружественная встреча французской и русской эскадр с немецким флотом 18 июня 1895 г. на открытии Кильского канала – построенного на деньги от репараций, которые Франции пришлось выплатить после поражения в войне. Вспоминая детскую мечту стать моряком, Моррас обычно добавлял: чтобы потопить германский флот или обстрелять германские порты.

Второе событие, случившееся одновременно с первым, – выход полного французского перевода «Речей к германской нации» Иоганна Готлиба Фихте, «чистокровного, беспримесного варвара» в отличие от «более или менее романизированных варваров, которые хоть как-то умели писать, вроде Лейбница, Гете, Гейне, Шопенгауэра или Ницше» (QFA, 24). Моррас и через полвека называл эту книгу «лютеранским Кораном и предвестьем “Майн кампф”» (PJF, 94), а его друг и соратник Леон Доде видел в ней «наилучший пример того, что может сделать сильная мысль – даже с неверными предпосылками – для возрождения страны»¹². Моррас призывал всех французов прочитать эту книгу, чтобы знать врага, и добился того, что муниципальный совет Парижа закупил двести экземпляров перевода. «Корни воинственного германизма надо искать не в Бисмарке, но в Фихте», – напомнил он в октябре 1914 г. (MCV, I, 322).

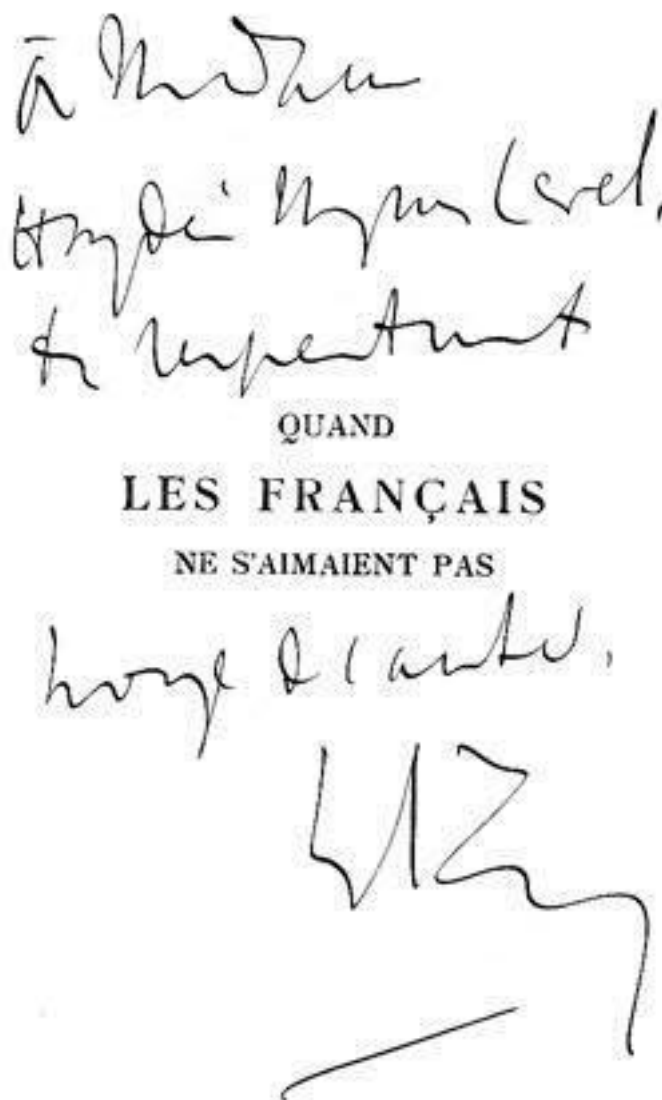
¹¹ Charles Maurras et Maurice Pujo devant la Cour de Justice du Rhône. P. 69–70.

¹² Léon Daudet. Contre l'esprit allemand de Kant à Krupp. Paris, 1915. P. 19.

Шарль Моррас. Перед вечной Германией. 1937. Обложка

Шарль Моррас. Когда французы не любили себя. 1926. Обложка и авантитул с инскриптом: «Госпоже Хайде Магнус Левель, почтительнейший привет автора. Ш. М.»

После Франко-прусской войны и завершившего ее тяжелого – для многих позорного – Франкфуртского мира минула четверть века. Германская империя, провозглашенная в Зеркальной галерее Большого Трианонского дворца в Версале 18 января 1871 г., обгоняла Францию по численности населения¹³ и темпам промышленного развития, по развитию науки и общественного благосостояния, поэтому отношение к ней разнилось.

Всё меньше французов, не исключая членов правящей элиты, мечтало о реванше или, по крайней мере, считало его реальным – столь же реальным, как факт поражения в 1870 г. На его признании строили политику «отцы» Третьей республики Жюль Гриви и Леон Гамбетта, даже если публично утверждали обратное (КЕТ, 241–243, 251–257). «Прекрасная идея реванша принесла огромную пользу, но, плохо управляемая, быстро пришла в упадок» (QFA, xiii) – сокрушался Моррас в книге, выразительно озаглавленной «Когда французы не любили себя» (1916).

¹³ В 1871 г. численность населения обеих стран составляла по 37 млн человек; к 1914 г. население Франции выросло на 2 млн, Германии – на 30 млн. Моррас часто напоминал об этом (MEM, xxxvii).

Всё больше французов, опять-таки не исключая членов правящей элиты, выступало за интеллектуальное и культурное сотрудничество с Германией как шаг к национальному примирению, считая его более перспективным, чем вражду. В их числе передовая литературная молодежь – Реми де Гурмон, Анри де Ренье, Лоран Тайад, Франсис Вьеле-Гриффен. Жозефен Пеладан заявил: «Есть всего две расы – мыслящая и другая. Граница, которая их разделяет, называется невежеством» (QFA, 18).

Моррас свидетельствовал, что его ближайшие соратники знали Германию лучше, чем он сам, хоть и штудировал в юности Канта и Шопенгауэра: «[Морис] Пюжо, большой поклонник Вагнера, переводил Новалиса. <...> [Жак] Бенвиль только что вернулся из Южной Германии с материалами для книги о Людвиге [II Баварском]. <...> Анри Вожуа подверг строгому пересмотру свое раннее увлечение Кантом. Леон Доде, еще один страстный вагнерианец, приехал из Гамбурга и говорил по-немецки, как по-французски» (PJF, 107). Так что Бенвиль, пополнивший в 1900 г. команду «Action française», куда его привел Баррес, в качестве специалиста по германской истории и политике, выдавал желаемое за действительное, утверждая, да еще во множественном числе, в октябре 1914 г.: «Мы никогда не учили немецкий из-за симпатии, пристрастия или удовольствия. <...> Изучение немецкого языка рассматривалось как часть подготовки к реваншу. У этого никогда не было ни другой цели, ни другой пользы» (JBA, I, 124).

По словам писателя Поля Адама, «в конце XIX века Германия стала страной, у которой мы более всего заимствуем в духовной сфере. Несчастья 1870 г. компенсированы интеллектуальными дарами, которые нам принесли победители. <...> Отношения между Германией и Францией, счастливо установленные через посредничество интеллектуальной элиты, должны быть укреплены с помощью энергичного воздействия на политику правительств» (QFA, 2–3). Этой же позиции придерживались социалисты во главе с Жаном Жоресом, утверждавшие, что борются за сохранение мира в Европе, и делавшие ставку на солидарность с германскими «товарищами». «Начать должна французская сторона, – подхватил экономист Шарль Жид. – Немцев, говорящих по-французски, в десять раз больше, чем французов, говорящих по-немецки. В Германии в десять раз больше читают французских книг, чем во Франции – немецких. <...> Германия знает Францию гораздо лучше, чем Франция – Германию» (QFA, 4).

Утверждения, что Франции нечему учиться у Германии, которая «глупа – в том смысле, что не умна» (MCV, II, 108), и вообще у кого-либо, кроме античной Греции и Рима, были, как сейчас говорят, не в тренде. Считая французский классицизм высшим достижением европейской культуры, а значит, культуры вообще, Моррас ополчился на романтизм, в котором видел проявление «германизма» – тлетворный дух индивидуализма, бесформенности и разлада, который Жермена де Сталь занесла в страну гармонии. «Религиозный индивидуализм зовется Реформацией, политический – революцией, в искусстве это романтизм» (MPR, 67).

В философии главным злом было объявлено учение Канта как продолжателя ненавистного Руссо. «Кантианство – религия Третьей республики, – писал он в феврале 1904 г. в статье с многозначительным заглавием «Чемульпо¹⁴, или Столетие Канта». – <...> Кантианство содержит в зародыше анархическое и космополитическое мышление. <...> Кантианство – по сути дрейфусарское учение. <...> Интеллектуально, морально, этически он наш враг, и потому мы обязаны отдавать ему должное. <...> Кант представлял себя Коперником философии. Правильнее было бы назвать его Птолемеем. Птолемеи считал, что все небесные светила вращаются вокруг неподвижной земли, а Кант видел человеческий дух поставленным в центр природы, которой он диктует свои законы» (QFA, 241–243). Доде развил эту аргументацию в книге

¹⁴ Имеется в виду бой при Чемульпо (9 февраля / 27 января 1904) – морское сражение в начале Русско-японской войны, во время которой Франция поддерживала Россию.

«Против немецкого духа от Канта до Круппа» (1915), добавив к врагам Франции, разлагающим ее дух, пессимизм Шопенгауэра и «философию бессознательного» Гартмана.

Единственное, что Моррас одобрял в Германии, – государственный строй, поскольку «Гогенцоллерны не более чем удачливые и успешные имитаторы наших Капетингов» (МЕМ, 483). Поэтому он соблюдал корректность в высказываниях о кайзере Вильгельме II – по крайней мере до начала Первой мировой войны.

IV

Равноправие между коренными французами (для Морраса – не менее чем тремя поколениями, жившими в стране и имевшими французское подданство) и недавно натурализовавшимися «метеками» (законодательство Третьей республики существенно упростило этот процесс), особенно на государственной службе, в бизнесе и в системе образования, представлялось ему главной внутренней угрозой. В евреях и протестантах он видел не только чужеродное тело в национальном организме, но орудие «наследственного врага» – германизма. «Главными двигателями и агентами немецкой рекламы в XIX и в XX веках были евреи обоих полушарий», – утверждал Моррас даже после Второй мировой войны (PJF, 101). «Еврейское вторжение – первый эшелон немецкого, – вторил ему Доде. – Франкфуртские банкиры идут впереди армий кайзера» (LDS, 209).

«После “дела Дрейфуса”, – констатировал эссеист П. Серан, – во французской политической жизни антисемитизм был для правых тем же, чем антиклерикализм для левых. Крик “Долой евреев!” отвечал на крик “Долой попов!”»¹⁵. Вплоть до Второй мировой войны юдофобия во Франции «оставалась среди принятых норм эпохи», как отметил историк Л. Жоли, предупреждая против ее «анахронической трактовки»¹⁶. В 1979 г. Жан Мадиран утверждал: «Следует заявить со всей определенностью: Шарль Моррас не был антисемитом. Даже отчасти не был. Совсем не был. Значение слов определяется их использованием – в то время, когда они используются. Сегодня антисемитизм означает расизм, нацизм, истребление евреев. Моррас был абсолютным антирасистом и яростным антинацистом. Он не был антисемитом в современном значении этого слова» (JMM, 79).

Юдофобы были не только на правом фланге, но и на левом – среди социалистов и синдикалистов. «Послушайте толпу, которая кричит “Долой евреев!” – писал в феврале 1890 г. Баррес, депутат-буланжист и любимец эстетской молодежи. – Это надо понимать как “Долой социальное неравенство!”» (ВМС, 627). «Антисемитизм эпохи, разделявшийся частью социалистов, был направлен против евреев как представителей капитализма», – отметил его биограф Ив Широн (VMB, 133). Этим же Луи Димье, многолетний соратник Морраса, объяснял малый успех подобной пропаганды среди рабочих: «Парижский мелкий буржуа – антисемит, рабочий – нет. Еврей – не конкурент ему, но зачастую работодатель, причем не хуже других» (DVA, 124).

Под «еврейством» Моррас понимал не этнос или конфессию, но «нацию внутри нации, государство в государстве», чуждую силу, которая «вмешивается в нашу политическую жизнь, внося лишь раскол и разрушение» (MPC, 467–468). «Вместо власти князей нашей расы мы получили хлыст менял иной, чем наша, плоти», – писал он в 1905 г., обличая власть Золота, которое «без ущерба для себя равно служит Парижу, Берлину и Иерусалиму», в предисловии к «Будущему интеллигенции» (единственная книга Морраса, переведенная на русский язык¹⁷). «Тот, кто придает нашему антисемитизму конфессиональный или религиозный характер, просто неправильно информирован, – разъяснил он в том же году. – Антисемитизм существует лишь потому, что французы вынуждены задавать себе вопрос, являются ли они хозяевами в собственном доме. <...> Опасайтесь, как чумы, обычной реплики наших противников: “Вы антисемит? Значит, вы хотите убить всех евреев”. Мы только хотим поставить их на свое место, причем это место не будет первым. Не меньше, но и не больше» (QFA, 190, 197).

¹⁵ Paul Séran. Les dissidents de l'Action française. Paris, 1978. P. 138.

¹⁶ Laurent Joly. Xavier Vallat (1891–1972). Du nationalisme chrétien à l'antisémitisme d'État. Paris, 2001. P. 145.

¹⁷ Моррас Ш. Будущее интеллигенции / пер. и посл. А. М. Руткевича. М., 2003; далее цит. без сносок.

Что это значило? Двадцать лет спустя Моррас объяснил: «Представим, что еврей из Галиции, еле говорящий по-французски, приезжает в Париж, продает свои пожитки, торгует, спекулирует на бирже. Разбогатеет, он натурализуется (т. е. получает гражданство. – В. М.) и отправляет сына в лицей. Окончив его, тот становится адвокатом, профессором, журналистом, сенатором, министром и президентом республики. И ничто не противостоит этому странному *cursus honorum*¹⁸» (MEM, lxxxviii – lxxxix). Впрочем, такую опасность автор видел во всех «метеках».

Немецкий либерал и франкофил Эрнст-Роберт Курциус в начале 1930-х гг. с недоумением отметил, что «у французов нет ни расового инстинкта, ни расового сознания»: «Они не понимают отношения немцев и англосаксов к цветным расам» и «считают смешение кровей и скрещивание рас одним из главных достоинств Франции» (ERC, 105–106). Моррас не выступал за «метисизацию» Франции, но таковой не страшился его единомышленник генерал Шарль Манжен, призывавший после Первой мировой войны создать в Европе миллионную колониальную армию для будущей схватки с Германией. По замечанию советского аналитика М. Павловича (М. Л. Вельтмана), «осуществление мечты французских националистов довести численность цветной армии до 1 миллиона солдат в целях борьбы с немецкой опасностью повело бы к исчезновению французской нации как определенной этнической единицы». Но «боши» страшили их куда больше, чем перспектива, что «Марианна будет кофе с молоком» (ПФИ, 147, 153–154).

Что предлагал Моррас? «Евреи не будут ни преследуемы, ни изгнаны. Живущие во Франции евреи останутся ее *подданными*, но перестанут быть *гражданами*. Как и подданным в наших колониях, государство обеспечит им безопасность, правосудие, свободное исповедание религии. Им будет запрещено участие в общественных делах и закрыт доступ на государственную службу» (VCM, 170). На нее он предлагал принимать только граждан не менее чем в третьем поколении, однако без дискриминации по религиозному признаку.

Для Морраса «Кровь олицетворяла родовое достоинство, национальное величие, стабильный уклад, цивилизацию». Его антипод «Золото – социальную дезинтеграцию, национальную индифферентность, всесилие денег, индивидуалистический разброд. Царство Крови – это монархия. Царство Золота – демократия. Торжество Крови – это старая добрая Франция. Торжество Золота – это постреволюционное настоящее и неотвратимо наступающее будущее»¹⁹. «Нет чистой французской крови, нет французского этнического типа, – писал в 1941 г. Тьерри Монье, считавшийся идейным преемником Морраса. – Французский народ есть продукт не крови, но истории»²⁰. Никакой биологии, только «выбор между Ростовщиком и Государем, Финансами и Шпагой».

Пьер Бутан, еще один ученик и последователь, напомнил, что Моррас «всегда отвергал биологический миф крови» (РВМ, 285), шла ли речь о евреях или других народах. Юдофоб Люсьен Ребате саркастически писал о его «ужасе перед расизмом» (RMF, 133). «Нелепо говорить, что германцы – цвет европейской расы, – повторял Моррас. – Нелепо считать их чем-то большим, чем спутниками цивилизации, исторические центры которой назывались Афины, Рим, Париж» (DAE, 1–2). Поэтому предостерег юного Жака Бенвиля от «бредней о чистой расе», когда тот ненадолго увлекся идеями антрополога Жоржа Ваше де Лапужа, попавшего на страницы «Revue de l'Action française», об «арийстве» – задолго до того, как нацисты подняли их на щит (DDB, 80–81). Особую опасность Моррас видел в национальном происхождении

¹⁸ «Путь чести» (*лат.*) – в Древнем Риме последовательность военных и политических магистратур, через которые проходила карьера политиков сенаторского ранга.

¹⁹ Осминская М. Рыцарь и грош [рец. на: Моррас Ш. Будущее интеллигенции. М., 2003] // НГ-Exlibris. 2003. 24 июля.

²⁰ Thierry Maulnier. La France, la guerre et la paix. [Lyon], 1942. P. 157.

расистских идей: «Учения о чистой расе, избранном народе и особенной крови неотделимы от теорий, которые фабрикует Германия, включая наиболее революционные» (DAE, 289).

Чистоте крови Моррас не придавал значения даже как идеолог наследственной монархии. Возражая расистам, он напомнил, что «всегда строго отделял рассуждения о политическом и экономическом наследовании от туманных, опасных и произвольных обобщений относительно физиологической наследственности» (DAE, 5). «Мы говорим, – подчеркнул он в предисловии к итоговому изданию программного «Исследования о монархии», – что наследственный суверен находится в лучшем положении (чем выборный. – В. М.), чтобы хорошо управлять. Мы никогда не говорили, что хорошее управление – достоинство его крови» (MEM, lxxxvi).

«Моррас привлек внимание к преобладающему положению евреев, в сравнении с их численностью, в эпоху Третьей республики, как и других меньшинств: протестантов и масонов, – суммировал его биограф Широн. – Исторически несомненно, что эти три группы породили лаицистскую и прогрессистскую идеологию Третьей республики» (VMB, 168).

V

Только что осужденного «еврейско-германского шпиона» Дрейфуса Моррас впервые упомянул в конце 1894 г. в статье «Метеки», но лишь походя. Он не заинтересовался его делом, в отличие от трибунов национализма – Барреса²¹ и Доде, которые в качестве журналистов 5 января 1895 г. присутствовали при разжаловании капитана. Поначалу в его виновности не сомневался даже Эмиль Золя, будущий трибун дрейфусарства. Другой будущий дрейфусар Жан Жорес, выступая в Палате депутатов, выразил сожаление, что осужденного не казнили (VMB, 170).

Матьё Дрейфус начал борьбу за оправдание брата, но без особого успеха. Собственно «дело» началось два года спустя. Старт кампании дала изданная в Брюсселе в ноябре 1896 г. брошюра «Судебная ошибка. Правда о деле Дрейфуса». Ее написал Бернар Лазар, труд которого «Антисемитизм и его причины» (1894), призванный оправдать евреев, неожиданно стал настольной книгой антисемитов вместе с «Еврейской Францией» Эдуара Дрюмона. Утверждения о невинности Дрейфуса переросли в нападки на армию, правительство, националистов, антисемитов, на всех, кто осмеливался утверждать обратное.

Документы и обстоятельства дела были обнародованы лишь частично – военные берегли свои секреты, – поэтому стороны не располагали убедительными доказательствами. Спор принял эмоциональный характер. Армию противопоставляли народу, офицеров Генштаба как армейскую элиту – армии в целом, военный суд – гражданскому, чиновников – министрам из числа политиков. Однако дихотомия дрейфусар – антидрейфусар не сводилась к противостоянию левых и правых: среди первых было немало убежденных в виновности осужденного.

«Дело Дрейфуса стало для нашего поколения, для французов 1897–1910 годов, – утверждал Моррас полвека спустя, – тем же самым, чем война 1870 года для наших отцов, война 1914–1918 годов для наших племянников²², война 1939–1945 годов для наших внучатых племянников. Эта бескровная гражданская война решила нашу судьбу» (PJF, 101). Однако Марсель Деа, политический активист из поколения «племянников», утверждал, что «дело» затронуло лишь «активную фракцию общества» (выражение Б. Акунина): «Большинство французских семей никоим образом не делилось по принципу “за” или “против” Дрейфуса, оно не было ни про-, ни антиеврейским и вообще не имело представления о евреях, за исключением нескольких хорошо известных банкиров или коммерсантов» (DMP, 14).

«Предполагаемая “измена” капитана Дрейфуса, – констатировал Широн еще через пятьдесят лет, – стала делом государственной важности, а затем привела к настоящей гражданской войне, интеллектуальной и политической. <...> Позиция в “деле Дрейфуса” стала критерием порядочности и залогом приверженности демократии, как позже позиция, занятая при режиме Виши, определяла выдачу патентов на политическое благородство при освобождении» (VMB, 182).

Дрейфусары не просто заявили свою позицию, но выступали так, «как будто вся французская интеллигенция была на их стороне. Вот их тактика: с одной стороны, армия, с другой – интеллигенция, здесь – казарма, там – Сорбонна» (PDD, 71). «Нам говорят, что у этих либералов есть чувство морального единства, – негодовал Моррас. – Но они больше не изгоняют несогласных; они их просто опускают до уровня животных» (QFA, 200). Особенно сильным было их влияние в системе образования. «Дети, возвращаясь из лицея, спрашивали: “Папа, правда, чтобы стать умным, надо быть дрейфусаром, а не патриотом?”» (MMB, 79), – вспоминал Моррас почти через полвека. «Мы в самом разгаре битвы, – сообщал он 29 ноября 1897 г.

²¹ В переписке Морраса с Барресом Дрейфус впервые упомянут 2 декабря 1897 г. (BMC, 154).

²² Отсылка к тому, что у Морраса не было своих детей.

аббату Пенону. – К ней применимы древние слова о могилах и очагах. Если иудейско-протестантская братия захватит их, это конец. Шлю вам пачку газет. Если есть время, читайте в хронологическом порядке; увидите, что мне кое-что ясно в этом деле» (СМР, 425).

Жорж Клемансо, сделавший свою газету «L'Aurore» трибуной дрейфусаров (13 января 1898 г. он опубликовал открытое письмо Золя президенту Феликсу Фору «Я обвиняю!..» и придумал его заглавие), «с почетом вернулся в политическую жизнь, откуда его вытолкнула причастность к панамскому скандалу»²³ (VMB, 177). И тот же Клемансо заявлял в кругу друзей: «Если бы не Дрюмон, какую отличную антисемитскую газету я мог бы издавать вместе с полковником [Мари-Жоржем] Пикаром» (МСВ, 142) – главным защитником Дрейфуса среди военных, получившим благодаря «делу» мировую известность.

Несчастный офицер, разжалованный и отправленный на каторгу, оказался разменной монетой в политической игре. «В “деле Дрейфуса” Дрейфус не более чем предлог, – заявил Баррес. – Дрейфусары едины во мнении, что он им не интересен и не вызывает симпатии» (МСВ, 190–191). Он лишь повторил слова адвоката Фернана Лабори: «Дрейфус больше не интересует меня, потому что он перестал быть символом» (SDN, I, 36). При восстановлении на службе в 1906 г. реабилитированный офицер не получил положенного по выслуге лет повышения в звании. Премьер Клемансо и его военный министр Пикар (тот самый!), нажившие на «деле» внушительный политический капитал, не вмешались, и Дрейфус в знак протеста вышел в отставку.

«Если индивидуализм прав, – писал Моррас в 1908 г., – то справедливо и правильно всё сломать, перевернуть и поставить вверх дном, дабы предотвратить осуждение одного невесть кого, – допустимо привести в смятение общественное мнение, армию, законы, разрушить мир, оборону и безопасность страны» (МРР, 73). Фамилия Дрейфуса здесь не названа, да в этом и нет необходимости: речь не о человеке, а о прецеденте. Моррас нашел удачную формулировку своей позиции: «Если бы Дрейфус случайно оказался невиновным, его следовало бы сделать маршалом Франции, но расстрелять дюжину его главных защитников за тройное зло, которые они причинили Франции, Миру и Разуму» (ASF, 55).

Капитана обвинили в шпионаже в пользу Берлина, поэтому германская тема стала главной. «Отдадим должное людям Вильгельма, – писал Моррас. – Они быстро поняли, какую выгоду можно извлечь из наших внутренних раздоров не только для свободного роста своей империи, но и для нашего ослабления. Можно уверенно заключить, что с 1898 по 1912 г. они не переставали извлекать выгоду из наших внутренних разногласий и слабостей, порожденных “делом Дрейфуса”» (ASF, 59).

В результате «дела» контрразведку передали из военного министерства в Министерство внутренних дел, а статистический отдел Второго разведывательного бюро Генерального штаба расформировали, поскольку директор Бюро подполковник Юбер-Жозеф Анри был обвинен в фальсификации документов с целью доказать реальность германского шпионажа (указанный документ относился к периоду *после* осуждения Дрейфуса). 31 августа 1898 г. арестованный Анри покончил с собой в тюрьме: одни утверждали, что его замучила совесть, другие – что его довели до самоубийства или даже убили по приказу командования, дабы не допустить огласки подлинных обстоятельств. Для антидрейфусаров он стал героем и мучеником с участью более трагической, чем у самого Дрейфуса.

Известие о самоубийстве Анри потрясло Морраса, который немедленно вернулся в Париж из Лондона, где осматривал греческие древности в Британском музее (больше ничего его в Англии не интересовало). Написанные им в качестве отклика статьи в «Gazette de France»

²³ Начатый в 1892 г. разоблачениями Э. Дрюмона скандал вокруг краха Всеобщей кампании Панамского межокеанского канала (основана в 1880 г., обанкротилась в 1889 г.) выявил многочисленные факты коррупции чиновников, депутатов и журналистов. Считается крупнейшей финансовой аферой XIX в. во Франции; слово «Панама» стало нарицательным. Баррес посвятил панамскому скандалу роман «Их лица» (1902).

сразу принесли автору громкую славу. «Молодые интеллектуалы жадно бросились читать Морраса, – вспоминал через четверть века Доде. – Каждый не без смущения чувствовал, что эти убогие столбцы, источавшие разум подобно кислороду, – не просто красивые фразы, не просто ритм, как говорил Баррес, но действие. <...> Только Моррас показал глубокое, подлинное значение акта отчаяния, предпринятого Анри» (LDM, 135–136).

«Противники и ложные друзья указывали на них лишь как на оправдание “патриотической фальшивки” и ее автора, но едва ли читали их. Между тем как целое они важны для понимания происхождения “Action française”» (PBM, 157), – констатировал Пьер Бутан, впервые давший их подробный обзор (PBM, 593–610; далее цит. без сносок). Обратимся к ним и мы, тем более что статьи никогда не перепечатывались.

«Анри мог быть только преступником или жертвой, – пояснил Моррас в 1930 г. – Если он жертва, а он ей и был, об этом требовалось сказать в полный голос. Об этом надо было кричать и писать аршинными буквами на стенах». 6 сентября 1898 г. в статье «Первая кровь» он признал, что подполковник подделал один документ – по образцу и с использованием подлинных, которые знал, но не мог предъявить суду из-за угрозы международного конфликта, – причем лишь для командования и суда, а не для огласки. Моррас сравнил его с «облегченными» изданиями античных классиков для детей. В его глазах Анри выступил защитником Франции и ее армии и мужественно принял ответственность на себя.

Во второй части статьи, появившейся два дня спустя, автор выступил против военного министра Годфруа Кавеньяка, который вместо того, чтобы скрыть «патриотический» поступок и защитить армию и контрразведку, из сугубо политических интересов обнародовал его и выдал Анри дрейфусарам. Назвав жертву подполковника «не напрасной», а его кровь – «первой французской кровью, пролитой в “деле Дрейфуса”», Моррас объявил его достойным посмертных почестей, которые покойный не получил из-за «разобщенности национальных партий». «Драгоценная кровь» Анри должна была привести патриотов к единству.

Обычно цитируется лишь эта статья, но другие, печатавшиеся до конца года, не менее интересны. «Первая кровь» ожидаемо вызвала волну возмущенных откликов. «Меня так много оскорбляли, – иронически заметил Моррас, – что оскорблений набралось на целый альбом». Автор ответил дрейфусарам с присущими ему методичностью и логикой, найдя в их словах много противоречий, неверных утверждений и эмоциональных восклицаний вместо аргументов. Тот факт, что фальшивка Анри 1896 г. изготовления не могла иметь отношения к осуждению Дрейфуса в 1894 г., остался неоспоримым.

Моррас призвал не уподобляться дрейфусарам и не радоваться аресту полковника Пикара, который занимал ту же должность, что и Анри, а затем подал в отставку и выступал свидетелем защиты на процессе Золя – после «Я обвиняю!...» романист был предан суду за клевету, признан виновным и бежал из Франции. «Дело Дрейфуса» перерастало в «дело Дрейфуса – Анри Пикара». «Под угрозой находится не только нынешняя армия, – предупредил Моррас 21 октября 1898 г., – но и армия будущая, которую методично разрушают. Они стараются привить молодым французам отвращение к армейской жизни, армейскому порядку, самой идее армии». Кому это было выгодно?

«После 1870 г., несмотря на буланжизм или по причине буланжизма, большинство французов любило и уважало свою армию. Все ухищрения антимилиитаристской пропаганды терпели поражение, поскольку страна чувствовала необходимость постоянной защиты от Германии» (ASF, 53). Однако вслед за «немецким», «еврейским» и «протестантским» Моррас увидел в «деле» «британский след» (Клемансо считался ставленником англичан). «Первой дрейфусаров поддержала, если вообще не первой вдохновила, Англия; они, несомненно, получали деньги оттуда. Тогда Англия была для нас полуврагом» (ASF, 58–59). Англичане подогревали политические распри и антигерманские настроения (Дрейфус был объявлен «немец-

ким шпионом») во Франции, ослабляя ее изнутри и не допуская нормализации отношений с Берлином. И то и другое соответствовало внешнеполитической стратегии и тактике Лондона.

Англичан Моррас невзлюбил с юности – сначала не справился с языком, а во время путешествия в Грецию был неприятно удивлен их повсеместным присутствием в Средиземноморье. Но дело не в личной антипатии. Его статьи 1895–1905 гг. в сборнике «Киль и Танжер», выдержавшем с 1910 г. много изданий, пестрят фразами вроде: «Британский остров находится в безопасности только при условии закоренелой вражды двух великих континентальных народов», т. е. французов и немцев; «Английская политика всегда получала выгоду от нашей разобщенности»; «Если Англии нужна наша армия, это не значит, что ей нужна наша победа»; «Германия хочет того же, что и Англия: чтобы Франция стала ее союзником, а фактически вассалом. Если мы обольщаемся, что можно жить по-другому, новая большая война будет призвана показать нам эту ошибку» (КЕТ, 119, 50, 189, 107). Правда, Германию автор ненавидел куда больше и ради реванша был готов на союз с Англией. Которая только этого и ждала...

Колониальную экспансию Третьей республики Моррас оценивал скептически, считая, что она отвлекает французов от главной цели – реванша, а также сталкивает их с Англией, тем самым играя на руку Германии. Однако он прямо связал борьбу за пересмотр «дела Дрейфуса» с судьбой африканской экспедиции майора Жана-Батиста Маршана, которая после двух лет работы к концу лета 1898 г. достигла населенного пункта Фашода на неразделенной территории в верховьях Нила. На нее же претендовали англичане, имевшие численное преимущество и готовые воевать. Воевать был готов и Маршан, но из Парижа приказали отступить – Франция не была готова к войне.

«Землепроходец потерпел поражение не в Фашоде, где победа была возможна, но в Париже, где она была невозможна» (КЕТ, 41–42), – негодовал Моррас, добавив: «С часами в руках лондонское правительство подготовило и организовало это совпадение нашего успеха в Африке и нашей беспомощности в Париже, что полностью удовлетворило его» (ASF, 59). 21 марта 1899 г. Франция достигла соглашения с Англией о разделе территорий. В мае патриоты восторженно встречали вернувшегося домой Маршана, – который, по словам Барреса, «ненавидел англичан больше, чем немцев» (МСВ, 575), – но власти дали понять, что не допустят появления нового Буланже, и отправили майора в Китай.

Не только Моррас связывал «дело Дрейфуса» с Фашодой и Лондоном. 21 сентября 1899 г., через 12 дней после вторичного осуждения бывшего капитана, бывший министр просвещения и либеральный историк Альфред Рамбо поведал на страницах «Le Matin» о том, как «дело» отвлекало кабинет министров, членом которого он был, от остальных государственных забот. Если Франция не справится с внутренними неурядицами, Рамбо предрекал ей судьбу разделенной Польши. Моррас перепечатал статью со своими комментариями (КЕТ, 49–58), заметив: «Еще больше, чем армию, друзья Дрейфуса ослабили государство».

VI

Важным результатом «дела Дрейфуса», точнее, связанной с ним кампании, стало объединение интеллектуалов-националистов с целью лишить дрейфусаров монополии говорить от имени всей французской интеллигенции. «Само по себе дело Дрейфуса было незначительным, – заявил Баррес. – Опасность представляло то, что его придумали и использовали в интересах антимилитаристских и интернационалистских доктрин. Вот на это мы и решили ответить» (SDN, I, 69–70). «Мы были против Жореса, Вальдека-Руссо и Леона Буржуа в гораздо большей степени, чем против Дрейфуса», – утверждал Моррас и через полвека (PJF, 107).

31 декабря 1898 г. монархическая газета «Le Soleil», временно ставшая дрейфусарской и отказавшаяся от сотрудничества с Моррасом, сообщила о будущем объединении интеллектуалов-патриотов. Опубликованная 3 января 1899 г. декларация Лиги французской родины призывала соотечественников к согласию и объединению.

Почетным председателем Лиги стал знаменитый поэт и драматург, член Французской академии Франсуа Коппе, председателем – драматург и критик, академик Жюль Леметр, а его ближайшим помощником – находившийся в зените славы «принц молодости» Морис Баррес. В правление, избранное 19 января, вошли Фредерик Мистраль, Альфред Рамбо, бывший военный министр Годфруа Кавеньяк (по приказу которого был арестован подполковник Анри), либеральный историк литературы Фердинанд Брюнетьер, композитор и дирижер Венсан Д'Энди. Еще больше знаменитостей было среди рядовых членов: академики – поэт Жозе-Мари де Эредиа, прозаик Поль Бурже, историк Альбер Сорель, филолог Гастон Буассье; Жюль Верн, Огюст Ренуар, Эдгар Дега, пропагандист русской литературы Мельхиор де Вогюз, карикатурист Каран д'Аш (уроженец Москвы Эмануэль Пуаре использовал в качестве псевдонима русское слово «карандаш») и множество известных тогда, но забытых сегодня людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.